

УДК 343.2

*К.А. Цай***«СТАНДАРТНАЯ» МОДЕЛЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ, КОРПОРАТИВНОЙ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ И КОЛЛИЗИОННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА)**

В статье рассматривается проблема научных оснований уголовно-правовой науки и обосновывается парадигмальный характер отдельных доктринальных концепций. На конкретных примерах изучается влияние научной основы на логическую аргументацию исследователя и его взгляды на иные, смежные вопросы, предпринимается попытка анализа и выявления основных идей уголовно-правовой теории. Автор полагает, что единая научная парадигма уголовного права в настоящее время отсутствует, а научная основа данной науки представляет собой совокупность множества частных парадигм, определяющих воззрения ученых на тот или иной круг вопросов. На примере административной преюдиции, корпоративной уголовной ответственности и коллизионного уголовного права демонстрируется влияние научной парадигмы на взгляды ученого, при этом определяются конкретные научные основания составляющие фундамент каждой из рассматриваемых концепций, в связи с чем делается вывод о едином источнике воззрений ученых в данной области. Особое внимание в статье уделено исследованию факторов, не допускающих введение в уголовно-правовую догму изучаемых концепций. Автор обосновывает наличие в современной уголовно-правовой науке априорной «стандартной» научной парадигмы, не осознаваемой напрямую, но жестко ограничивающей мышление исследователя. В статье обоснованы путь отказа от традиционного взгляда на уголовно-правовую догму и иной, интегративный подход к уголовно-правовому регулированию.

Ключевые слова: наука уголовного права, научная парадигма уголовного права, научные основы уголовного права, административная преюдиция, уголовная ответственность юридических лиц, действия уголовного закона в пространстве, коллизионное уголовное право, уголовно-правовое регулирование.

Классическая наука уголовного права практически с самого своего зарождения характеризуется учеными как консервативная, закрытая, ориентированная на самоё себя. А в последние годы все чаще высказываются мнения о кризисе уголовного права, его неспособности удовлетворить практические потребности, оторванности от правоприменения, устаревании.

На наш взгляд, консерватизм уголовно-правовой догмы определяется тем, что научное развитие данной отрасли жестко детерминировано общепризнанными идеями и концепциями, движение мысли за пределы которых не допускается. В философской литературе такая совокупность детерминант носит название «научная парадигма». Т. Кун, впервые употребивший данное понятие, дает ему следующее определение: «Признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»¹.

Парадигмальное понимание научного развития исходит из того, что все вновь создаваемые теории должны соответствовать принятой в настоящее время основе, и любое отклонение от заданного курса обречено на непризнание и критическую оценку. Однако, при определенных обстоятельствах, когда «стандартная» модель уже не способна объяснять существующие процессы и явления, возможна ее смена и, как следствие, изменение многих, вытекающих из нее теорий. Этот процесс носит название научной революции².

При стандартном пути научного развития необходимость смены парадигмы осознается самими учеными, она происходит на основе сделанных ими открытий, не вписывающихся в текущую модель знания³.

Однако, как нам кажется, данное замечание справедливо не всегда. Если говорить о естественных науках, то совершенно очевидно, что, например, обнаружение жизни на Луне повлечет изменение научных парадигм в области астрономии и биологии вне зависимости от конкретных взглядов

¹ Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М., 1977. С. 11.

² Там же. С. 128-150.

³ Наиболее известные примеры этого процесса: гелиоцентрическая гипотеза Н. Коперника, подвергшая сомнению геоцентрическую концепцию Птолемея; теория эволюции Ч. Дарвина, отвергнувшая положение о неизменности биологических видов; теория относительности А. Эйнштейна, опровергнувшая основные законы механики И. Ньютона.

конкретных ученых⁴. Другой вопрос – изменение текущей модели научного знания в социально-гуманитарных, в частности уголовно-правовых, исследованиях.

В истории уголовного права отсутствуют открытия, повлекшие кардинальную смену уголовно-правовых теорий, научное развитие в данной области практически всегда проходило эволюционным путем⁵. Разумеется, теоретически возможно, что, например, доказательство наличия жизни после смерти повлечет коренное изменение взглядов ученых на уголовное наказание, однако до сих пор подобных открытий сделано не было.

В науке уголовного права на протяжении всего ее существования отсутствовали научные революции (в понимании Т. Куна), что повлекло за собой весьма негативные последствия для дальнейшего развития рассматриваемой области знаний.

Правоведы перестали обращать внимание на основы собственных воззрений, а сложившаяся на протяжении веков научная парадигма превратилась в некое подобие Священного писания, непререкаемую истину, не подлежащую изменению. Так, один из немногих ученых, предметно изучавших вопрос о научных основах уголовного права, И.Я. Гонтарь указывает: «Ряд содержащихся в теории уголовного права утверждений уже давно приобрел качество парадигм, не терпящих никаких сомнений в их истинности»⁶.

Как следствие, любая уголовно-правовая научная теория, претендующая на звание общепризнанной, должна соответствовать устоявшейся в веках и не допускающей сомнения «стандартной» модели научного знания.

Сложившаяся ситуация представляется недопустимой, научное знание имманентно предполагает возможность его опровержения или, по меньшей мере, осознание этой возможности. Отсутствие данного признака однозначно свидетельствует о ненаучном характере концепции и (или) дисциплины, в основу которой положена такая парадигма.

Бездоказательный и концептуально неопровержимый характер современных научных основ ведет к выхолащиванию уголовно-правовых исследований, превращению научного дискурса⁷ в «спор о понятиях», не затрагивающий сущности явления и его практическую реализацию.

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть проблему «стандартной» модели уголовно-правового знания и ее влияния на развитие теоретической мысли в данной области.

Определение научных парадигм уголовно-правовых теорий: плюралистический подход. В специальной литературе вопрос о научных основах уголовного права практически не затрагивался. Даже в фундаментальных исследованиях, установивших современную научную парадигму, эта тема рассматривается казуистически, путем обоснования или описания знания, предлагаемого в качестве «стандартного»⁸. Это обстоятельство отчасти можно объяснить исторической устойчивостью и эволюционным развитием уголовно-правовой парадигмы, отсутствием необходимости ее дополнительного обоснования и защиты, а отчасти – традиционной нелюбовью научного сообщества к чрезмерно абстрактным исследованиям, не имеющим прямого практического приложения.

Вместе с тем осмысление исходных начал уголовно-правовой теории является важнейшим элементом криминологической догматики, а в связи с популяризацией в современной научной дискуссии большого количества идей и концепций, не вписывающихся в «стандартную» модель уголовно-правовой теории, такое исследование приобретает особую актуальность.

Несмотря на отсутствие общепринятой значимости неклассических концепций, дискуссия по поводу их допустимости не имеет конца, некоторые из них являются «яблоком раздора» уголовно-правовой доктрины уже не первое десятилетие, но разрешения так и не находят.

⁴ Кун Т. Указ.соч. С. 131-132.

⁵ В данном случае мы не рассматриваем антропологическую теорию Ч. Ломброзо, поскольку она, оказав существенное влияние на дальнейшее развитие криминологической мысли, не повлекла за собой смену уголовно-правовой научной парадигмы и, кроме того, не была основана на научном открытии в общепризнанном понимании этой категории.

⁶ Гонтарь И.Я. Парадигмы в уголовном праве и реальность // Правоведение. 2002. № 6 (245). С. 140.

⁷ На введении понятия «дискурс» настаивал А.Э. Жалинский, указывая, что «для описания того, что отражается понятием «дискурс», подходящего, вошедшего в правовой язык понятия нет». При этом под дискурсом ученый вслед за А.И. Соловьевым понимал «процесс взаимодействия и обсуждения идей, идеологий» (см.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 74-76).

⁸ В качестве исключения можно выделить работы А.Э. Жалинского «Уголовное право в ожидании перемен» и И.Я. Гонтаря «Парадигмы в уголовном праве и реальность».

На наш взгляд, описанная ситуация обусловлена тем фактом, что ни автор новаторской идеи, ни его критики обычно не осознают стремления первого разрушить или реформировать научные основы, в соответствии с которыми строят свою аргументацию как его противники, так и он сам. Другими словами, происходит взаимное непонимание предмета спора, стороны, не осознавая, что идет «борьба за парадигму», пытаются втиснуть предлагаемую теорию в прокрустово ложе «стандартной» модели научного знания.

В данном случае сыграла свою роль «априорная» сущность парадигм, их неосознанный, до-опытный характер, который не позволяет исследователю во всех случаях отразить влияние «стандартной» модели научного знания даже на его собственную позицию, не говоря уже о точках зрения оппонентов⁹.

Изучение понятия и сущности явления традиционно предваряет вопрос о его типологии. По мнению А.Э. Жалинского, «в основе рассуждений о видах парадигм должен лежать внятный критерий их выделения»¹⁰. Мы не можем согласиться с ним, полагая саму постановку вопроса о классификации парадигм принципиально неверной в силу субъективной невозможности охвата разумом одного исследователя всей совокупности основ уголовно-правового знания. На наш взгляд, характеристика научных парадигм как чего-то «всеобъемлющего» ошибочна, основным критерием, позволяющим характеризовать то или иное положение в качестве научной основы, является его изначальный, бездоказательный характер, а также способность и нацеленность на ограничение направления исследовательской мысли. При этом количество теорий, выходящих из нее, не имеет решающего значения.

Исходя из такого понимания парадигм, представить сколько-нибудь последовательную их типологию не представляется возможным, поскольку основы каждой из существующих концепций должны выявляться предметно применительно к данной конкретной теории.

Вместе с тем изучение вопроса о научных основах без приведения конкретных примеров видится неполным. В целях сохранения системности изложения и недопущения случайного критерия для выбора его предмета мы рассмотрим несколько актуализировавшихся в последние годы концепций, затрагивающих определенные, связанные между собой стороны «стандартной» модели уголовно-правовой науки.

Дальнейшее изложение будет построено посредством рассмотрения научного дискурса о введении административной преюдиции, уголовной ответственности юридических лиц и коллизионного уголовного права. Как будет показано в дальнейшем, приведенные концепции основаны на отказе от традиционно-замкнутой исключительности российского уголовного права. Их сторонники опосредуют новый – интегративный – подход к пониманию уголовно-правового регулирования.

Административная преюдиция: отмена уникальности уголовного правонарушения¹¹. В самом общем виде теория административной преюдиции заключается в «признании неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного времени административных правонарушений после наложения за первое (первые) из них административной ответственности юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия»¹². Другими словами, совершение второго или последующих административных правонарушений служит основанием для оценки данного правонарушения как преступления.

⁹ В этом смысле весьма ценно определение уголовно-правовых парадигм, сформулированное А.Э. Жалинским, поскольку оно специально подчеркивает данную характеристику научных оснований. Под парадигмой уголовного права автор понимает «такое предпонимание, воплощенное или неосознанное проявляющееся в наиболее общих суждениях о природе и предназначении уголовного права, которое так или иначе воздействует на уголовно-правовую науку, а также осознание и формирование уголовной политики, уголовного законодательства, практики правоприменения и проявляется в определении этих явлений» (см.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен... С. 123).

¹⁰ Там же. С. 124.

¹¹ В данном случае мы рассматриваем только материально правовое понимание административной преюдиции, однако уголовно-правовое значение имеет также и процессуальный аспект данного явления, который не будет затрагиваться в силу ограниченного объема настоящей работы. Про процессуальный аспект административной преюдиции см., напр.: Одоев О.С. Проблема взаимосвязи уголовно-правовых и административных запретов: материальный и процессуальный аспекты // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 220-224.

¹² Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // СПС «Консультант Плюс».

Состояние современной научной мысли свидетельствует о чуждости концепции административной преюдиции «стандартной» модели уголовного права. Основной довод против сводится к тому, что «преступление с административной преюдицией, не являясь формой множественности преступлений, не наделенное признаками ни единичного простого, ни единичного сложного преступления, противоречит теории преступления и существовать не может»¹³.

Кроме того, отвергается возможность качественно-количественного перехода административного проступка в преступление. Так, А.Н. Тарбагаев еще в 1992 г. указывал, что «повторное административное правонарушение не может образовывать новое качество, т. е. менять характер и степень общественной опасности»¹⁴. С того времени суть данного аргумента не поменялась.

Последним контраргументом является противоречие административной преюдиции принципу *nonbisinidem*, поскольку производится двойной учет административного проступка: вначале как основания административной ответственности, а затем как составного элемента преступления¹⁵.

Следует признать, что апологеты классической концепции выстроили прочную доказательственную систему, последовательно отвергающую рассматриваемый институт как невозможный в рамках «стандартной» научной модели. Проблема в данном случае заключается в том, что все аргументы *contra* «бьют мимо цели», если задуматься над тем, что они основаны и приводятся в рамках презумпции уникального и совершенно обособленного характера уголовного права и уголовно-правового воздействия, тогда как доводы *pro* основаны на совершенно ином понимании.

Так, отрицание качественно-количественного перехода состоятельно только в том случае, если отрицается переход одного качества в другое. Однако, если рассмотреть известную философскую проблему о соотношении многого и единого, все станет не так очевидно. Возьмем в качестве примера не излюбленный учеными переход из одного единичного в другое единичное, а переход из понятия единичного в категорию, характеризующую множественное, например, слова «прайд» и «кошка». Сколько кошек составляют прайд? Очевидно, что не одна, а, по крайней мере, несколько. Также бесспорно, что слово «кошка» отлично от понятия «прайд». Таким образом, мы можем наблюдать переход одного понятия в другое понятие на основании количественного критерия¹⁶.

Таким образом, правомерность аргумента об отрицании качественно-количественного перехода зависит от того, признаются ли правонарушение и преступление качественно дифференцированными образованиями. В случае положительного ответа данный переход имеет место быть, при иной интерпретации – он отсутствует.

Противники административной преюдиции традиционно стоят на жестком разграничении данных категорий. Так, О.А. Михаль и Ю.А. Власов полагают общественной опасностью признаком, имманентно характеризующим только преступление, правонарушения же, по их мнению, таковой не обладают¹⁷.

Менее последовательны в данном вопросе ее сторонники. Не осознавая того факта, что жесткое разграничение преступления и правонарушений является той, «стандартной», моделью, которая не позволяет признать административную преюдицию частью российского уголовного права, некоторые из них основывают свои аргументы на том, что административная преюдиция «... “превращает” неоднократно совершенные административные правонарушения в преступление»¹⁸; «... могла бы оказаться эффективным средством отграничения преступлений от административных правонарушений»¹⁹; «... позволит более эффективно разграничить преступления и административные правонарушения»²⁰.

¹³ Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3 (23). С. 68.

¹⁴ Тарбагаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2. С. 62-68.

¹⁵ Чикин Д.С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶ Данная интерпретация приведена нами в качестве противовеса известной аналогии Н.Ф. Кузнецовой «сто кошек не представляют собой одного тигра».

¹⁷ Михаль О.А., Власов Ю.А. Об уголовном проступке в российском уголовном праве // СПС «Консультант Плюс».

¹⁸ Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России. – Далее он пишет: «Что важнее для общественного порядка, “чистота” уголовного права и его строгое размежевание с правом административным либо эффективное предупреждение правонарушений..?».

¹⁹ Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // СПС «Консультант Плюс».

²⁰ Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69–80.

В связи с этим особый интерес представляет концепция уголовной сферы (*criminal matter*), последовательное освещение которой можно найти в работах И.А. Клепицкого, Л.В. Головки и Г.А. Есакова. Ученые исходят из того, что сущностное разграничение административных проступков и преступлений несостоятельно, что подтверждается историей, опытом зарубежных государств и практикой международных судебных органов. Единственным заслуживающим внимания критерием разграничения видов ответственности, по мысли авторов, является не «неуловимый»²¹ признак меньшей общественной опасности правонарушений по сравнению с преступлениями, но «наказание (его вид и размер), которого заслуживает то или иное поведение»²².

Так, Г.А. Есаков, проанализировав историческое развитие российского законодательства²³ и его современное состояние, а также позиции отечественных ученых разных периодов, пришел к выводу, что может существовать только две разновидности ответственности: компенсаторная (гражданская) и наказательная (уголовная), «ничего промежуточного в виде административной ответственности здесь невозможно разместить»²⁴.

На основании анализа законодательной практики зарубежных государств, и позиций ЕСПЧ, Л.В. Головка указывает: «следует отказаться от устаревшей советской концепции о том, что уголовное право содержится только в Уголовном кодексе: данная концепция реальности не соответствует»²⁵.

Анализ практики ЕСПЧ, а также норм Конвенции по защите прав человека и основных свобод привел И.А. Клепицкого к следующему заключению: «Вся масса административных правонарушений в российском праве относятся к «уголовной сфере»»²⁶.

Особенность идеи уголовной сферы заключается в том, что ученые впервые за весь период «ломания копий» по поводу административной преюдиции осознали и обосновали концептуальный отказ от парадигмы, лежащей в основе современной науки уголовного права²⁷. Осознание парадиг-

²¹ Есаков Г.А. Уголовное право в «широком» смысле: концептуальный подход // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–25 января 2013 г.) М., 2013. С. 35.

²² Головка Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции «*criminalmatter*» (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1 (5). С. 51.

²³ Данный аргумент исследователя подвергается критике со стороны представителей наук административного права. Так, А.В. Кирин, отвечая на аргументы Г.А. Есакова, предпринял историческое исследование правовой догмы и памятников российского права, на основании которого пришел к выводу: «Дореволюционная наука полицейского права в равной мере заложила основы для современной теории как уголовного, так и административно-деликтного права, а российское профильное законодательство, в отличие от западноевропейского, уже с середины XIX века ориентировалось на параллельное развитие институтов уголовной и административной ответственности» (см.: Кирин А.В. Еще раз о генезисе административной ответственности в российском праве (или ответ сторонникам «широкого уголовного права») // Административное право и процесс. 2013. № 7. С. 53–57.

Полагая себя недостаточно компетентными в истории вопроса, предоставим ученым самостоятельно разрешить возникший спор, от себя же заметим, что даже если признать правоту А.В. Кирина, аргумент об отсутствии исторической почвы у концепции «*criminalmatter*» практически не затрагивает существо данной теории.

²⁴ Есаков Г.А. Уголовное право в «широком» смысле: концептуальный подход. С. 37.

²⁵ Головка Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции «*criminalmatter*» (уголовной сферы). С. 51.

²⁶ Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. № 3. С. 75.

²⁷ Концепция *criminal matter* – далеко не единственная теория, обосновывающая отсутствие сущностной разницы между преступлениями и административными правонарушениями. Так, Р.М. Акутаев на основании анализа размежевания проступков и преступлений по признаку общественной опасности приходит к выводу об отсутствии какого-либо сущностного отличия материального признака обеих этих групп правонарушений. По его мысли, «искусственное размежевание, возведение некой “китайской стены” между преступлением и иными видами правонарушений представляется близорукой и контрпродуктивной идеей». Схожего мнения придерживается Ю.П. Оноколов, который полагает, что «большое количество административных правонарушений отличаются от соответствующих преступлений лишь количественными показателями, определяющими их качественную определенность».

Вместе с тем идея «широкого» уголовного права представляется более продуктивной в силу ее концептуальности и осознания авторами того факта, что они ведут дискуссию о введении новой уголовно-правовой парадигмы. Это осознание, как будет показано далее, не позволяет ее сторонникам входить в логические противоречия, как это часто бывает с учеными, не учитывающими основу собственного мышления.

Так, например, Р.М. Акутаев, несмотря на последовательное отстаивание концептуального единства преступлений и административных проступков, тем не менее не идет дальше констатации наличия «буферной зоны» между

мального характера собственных воззрений повлияло на их взгляды и в отношении другой концепции, которая будет рассмотрена ниже.

Как было указано ранее, аргументы о несоответствии административной преюдиции учению о преступлении базируются на идее размежевания преступлений и правонарушений. Однако данный аргумент нельзя полностью опровергнуть, поставив под сомнение только концепцию уникальности преступления.

Даже в случае, если теорию административной преюдиции «переложить» на преступления, то есть мысленно заменить в ней слово «правонарушение» на «преступление», аргумент о том, что она не соответствует признакам единичного преступления, не потеряет своего значения. Деяния, составляющие административную преюдицию, как верно отметила Н.А. Лопашенко, не являются внутренне взаимосвязанными, не опосредуют единый результат, в отношении них отсутствует единая вина, и, наконец, каждое из них имеет самостоятельное значение²⁸.

Совокупность этих обстоятельств не позволяет признать деяние в рамках концепции административной преюдиции сложным единичным преступлением, вне зависимости от того, содержится ли уголовное право только в Уголовном кодексе или КоАП РФ также следует включить в уголовную сферу. По схожим основаниям можно отвергнуть и возможность признания повторного правонарушения простым единичным преступлением, а также множественностью преступлений²⁹.

Данный аргумент тесно связан с принципом *non bis in idem*, поэтому представляется целесообразным рассмотреть их одновременно. В своем традиционном понимании *non bis in idem* опосредует запрет учета одного и того же деяния в качестве основания для юридической ответственности более чем один раз³⁰.

двумя этими категориями, которая, «с одной стороны, включает преступления с наименьшей степенью общественной опасности (уголовные проступки), а с другой - административные проступки, степень общественной опасности которых, как выразился КС РФ, “тяготеет” к уголовно наказуемым деяниям». Таким образом, автор фактически опроверг собственный аргумент о сущностном единстве административных правонарушений и преступлений, констатируя, что в российском законе прослеживается лишь определенная непоследовательность в их законодательном разграничении, выразившаяся в том, что «для того, чтобы административный проступок мог считаться уголовным проступком необходима самая “малость” – его криминализация» (см.: Акутаев Р.М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 41-45; Оноколов Ю.П. Расширение применения административной преюдиции повысит превентивное воздействие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации // Миграционное право. 2003. № 3. С. 11-15.

²⁸ Лопашенко Н.А. Указ. соч. С. 67-68.

²⁹ В этом смысле можно вспомнить полемику ученых касательно категории повторности преступлений, которая привела к ее исключению законодателем из УК РФ 1996 г.

³⁰ Такое понимание *non bis in idem*, в частности, вытекает из разъяснения, данного Конституционным Судом РФ в Постановлении № 3-П от 19.03.2003 г., в соответствии с которым, «принцип “non bis in idem”... исключает повторное осуждение и наказание лица за одно и то же преступление, квалификацию одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона... а также двойной учет одного и того же обстоятельства одновременно при квалификации преступления и при определении вида и меры ответственности». Вместе с тем «наличие в уголовном законодательстве различных форм учета прежней судимости при определении ответственности лица за вновь совершенное преступление, в том числе при неоднократности или рецидиве преступлений, во всяком случае не означает возможность двойного учета одних и тех же обстоятельств... как при квалификации преступлений, так и при назначении наказания».

Однако в данном случае следует учитывать и противоположное мнение по данному вопросу, так, П.В. Старостина указывает: «Если в инкриминируемых лицу составах правонарушений повторно учитывается один и тот же существенный признак, это является нарушением принципа». Другими словами, он полагает недопустимым не только повторное рассмотрение одного и того же деяния как основания для ответственности более чем один раз, но и повторное рассмотрение определенного признака данного деяния как обстоятельства, влияющего на ответственность и наказание нарушителя в сторону ухудшения его положения (см.: Старостина П.В. Принцип *non bis in idem* в административном и уголовном праве (международно-правовые аспекты) // СПС «Консультант Плюс».

Схожего мнения придерживается конституционный судья А.Л. Кононов, написавший особое мнение к указанному выше постановлению. Судья исходил из того, что «факт не может быть использован еще раз для усиления наказания в связи с деянием, за которое лицо уже однажды претерпело наказание». На этом основании он критикует институты судимости и рецидива, полагая (отчасти справедливо) их основанными на социологической теории опасного состояния личности и потому неприемлемыми в современном обществе. По его мнению, «у осужденного не может быть правовой обязанности исправления и государство не может принудить его к вы-

Вместе с тем запрет «двойной ответственности» теряет свою силу, если учитывать тезис о том, что концепция административной преюдиции предполагает не двойной учет деяния, но основывается на повышенной опасности субъекта преступления.

Большая часть сторонников административной преюдиции указывает, что совершение субъектом нескольких следующих друг за другом правонарушений опосредует более опасный характер его личности, не изменяя при этом объективных признаков самого деяния.

Так, Ю.П. Оноколов отмечает, что «преступление с условием административной преюдиции отличается от формирующего преюдицию правонарушения по степени общественной опасности субъекта»³¹.

По мнению А.Н. Чашина, «не может вызывать сомнений тезис о том, что лицо, совершившее противоправное деяние повторно, ... является более общественно опасным, чем лицо, совершившее такое же деяние впервые»³².

Таким образом, криминализация в рамках административной преюдиции производится не на основании опасности деяния, как полагают некоторые противники данного института, но на основании признаков деятели, что идет вразрез с современным пониманием преступления и теорией уголовно-правовой политики³³.

При таком понимании административная преюдиция представляет собой «внешний» аналог институтов повторности и рецидива, которые, как верно указал Конституционный суд в своем Постановлении № 3-П от 19 марта 2003 г., принципу *non bis in idem* не противоречат. А поскольку отсутствует противоречие основополагающему запрету, то нет никаких препятствий для внесения изменений в современный взгляд на сложное единичное преступление или множественность преступлений. В связи с этим следует согласиться с В.И. Колосовой в том, что «целесообразность преюдиции следует аргументировать не через признак общественной опасности самого деяния, ... а через признак, повышающий опасность виновного»³⁴.

Таким образом, неприятие современными учеными концепции административной преюдиции по существу базируется на двух «стандартных» моделях: 1) концептуальное разграничение преступления и административного правонарушения; 2) запрет учета повышенной опасности личности в качестве основания уголовно-правового запрета. Определяющей при этом является первая парадигма, второе основание имеет вспомогательное значение.

Уголовная ответственность юридических лиц: отказ от психологизации уголовно-правового регулирования³⁵. Суть концепции уголовной ответственности юридических лиц заключается в предложении введения коллективного субъекта в УК РФ в целях применения к нему мер уголовно-правового воздействия. Дискуссия *pro et contra* длится уже третий десяток лет, однако исследователи ни на шаг не приблизились к ее завершению.

полнению таковой», а потому и вменение ему в вину невыполнение данного требования не основано на конституционных принципах.

Разрешение приведенной дискуссии видится в рамках парадигмального понимания научных концепций, ученые в данном случае исходят из различных оснований, а потому все их аргументы кажутся убедительными.

³¹ Оноколов Ю.П. Расширение применения административной преюдиции ... С. 11-15.

³² Чашин А.Н. Использование института административной преюдиции в борьбе с наркопреступностью // СПС «Консультант Плюс».

³³ Современная теория криминализации исходит из того, что для признания деяния преступным необходимо установление определенного комплекса признаков, которые называются основаниями уголовно-правового запрета. Учеными приводятся различные по объему и содержанию перечни таких оснований, однако весьма затруднительно найти работы, в которых опасность личности преступника признавалась бы в качестве криминообразующего фактора. Про основания криминализации см., напр.: Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева (авт. главы – Коробеев А.И.). Т. 1: Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 105-108.

³⁴ Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования российского законодательства // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 249.

³⁵ В рамках данной статьи понятия «уголовная ответственность юридических лиц», «корпоративная уголовная ответственность», «коллективная уголовная ответственность» будут употребляться как синонимы в силу их концептуального единства в уголовно-правовом смысле.

Сторонники традиционно апеллируют к криминологической обусловленности³⁶ и потенциальной возможности коллективной уголовной ответственности на примере административного права³⁷ и законодательного опыта зарубежных государств³⁸, а также недостаточности мер гражданской и административной ответственности³⁹. Ученые предлагают различные законодательные модели по введению коллективной уголовной ответственности в современное российское законодательство⁴⁰, из наиболее известных можно назвать: предложение С.Г. Келиной, внесенное ею в ходе подготовки нового УК РФ⁴¹; теоретическую модель, предложенную в докторской диссертации Е.Ю. Антоновой⁴² и резонансный законопроект, внесенный в Государственную Думу Следственным комитетом РФ. Менее популярным в научном обсуждении является проект, подготовленный Н.А. Головановой, В.И. Лафитским и М.А. Цириной⁴³.

Контраргументы основываются, с одной стороны, на нецелесообразности «умножения сущностей», поскольку административно-правовые и гражданско-правовые санкции мыслятся достаточными для компенсации вредоносного характера корпоративных правонарушений⁴⁴, а с другой – на невозможности распространения на юридических лиц стандартной концепции вины и виновной ответственности, что выражается в невозможности применения в отношении них категорий преступления и наказания, а также процессуальных гарантий⁴⁵.

Следует заметить, что при строго системном мышлении разрешение ситуации с корпоративной уголовной ответственностью в определенном смысле зависит от позиции ученого по отношению к административной преюдиции. В том случае, если отрицается принципиальная разница между преступлениями и правонарушениями, признается концептуальное единство административного и уголовного законов, формальная логика не оставляет исследователю другого выбора, кроме как признать факт наличия уголовной ответственности юридических лиц в современном «широком» уголовном праве.

Так, один из авторов концепции «*criminal matter*», Л.В. Головки, указывает: «Сама постановка вопроса... о возможном введении в России уголовной ответственности юридических лиц... является принципиально неверной, поскольку уголовная ответственность юридических лиц в России давно уже существует»⁴⁶.

И.А. Клепицкий также замечает: «Если взглянуть на этот вопрос, не ограничиваясь рамками национальной правовой доктрины... – уголовная ответственность юридических лиц в России существует»⁴⁷.

³⁶ Надточий Ю.В. Преступления, посягающие на морскую природную среду: монография / под науч. ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 2009. С. 133–137.

³⁷ Федоров А.В. О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: политико-правовой анализ // Ученые заметки СПб филиала РГА. 2014. № 2 (50). С. 141–142.

³⁸ См., напр.: Широков В.А. Уголовная ответственность юридических лиц и перспективы применения в России. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1252244>.

³⁹ См., напр.: Минин Р.В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в России: Проблемы обусловленности и регламентации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук Тюмень, 2008. С. 8.

⁴⁰ В данном случае мы учитывали только «законченные» модели, предусматривающие реформирование уголовного и смежных с ним законов в целях внедрения корпоративной уголовной ответственности.

⁴¹ Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: Новые идеи. М., 1994. С. 59.

⁴² Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности: дис. ... докт. юрид. наук. Владивосток, 2011.

⁴³ Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование). М., 2013.

⁴⁴ См., напр.: Агеев А.А. К вопросу о совершенствовании административного законодательства // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 18–20; Михалев В.И. Нужна ли уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации? // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.). М., 2013. С. 97–102.

⁴⁵ См., напр.: Богущ Г.И. Субъект преступления – физическое лицо // Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н. А. Лопашенко. СПб., 2011.

⁴⁶ Головки Л.В. Существует ли в современном российском праве уголовная ответственность юридических лиц? // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.). М., 2013. С. 73.

⁴⁷ Клепицкий И.А. Уголовная ответственность корпораций «за» и «против» // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.). С. 36.

Схожего мнения придерживается и Г.А. Есаков, полагающий, что в случае с правовой ответственностью юридических лиц в России, выражающейся в их принудительной ликвидации «имеет место недопустимая “маскировка” уголовно-правовой по природе меры наименованием ее “гражданско-правовой” или “административно-правовой”». На этом основании он делает вывод «о включении юридических лиц в орбиту уголовно-правового воздействия»⁴⁸.

Однако сказанное вовсе не означает, что сторонник административной преюдиции должен автоматически становиться на позицию введения коллективной уголовной ответственности: признание объективной реальности не всегда опосредует ее одобрительную оценку. Так, И.А. Клепицкий полагает, что с уголовной ответственностью юридических лиц «не все благополучно» и «не время сейчас проводить серьезные реформы» в целях ее внедрения в уголовное законодательство⁴⁹.

Идея коллективной уголовной ответственности стоит вовсе не на основании концептуального единства уголовного и административного права; признание такового лишь позволяет автору увидеть потенциальную возможность ее интегрирования в современную российскую уголовно-правовую доктрину, но не предопределяет окончательного решения по данному вопросу⁵⁰.

Уголовно-правовую парадигму, не приемлющую концепции уголовной ответственности юридических лиц, можно условно обозначить как психологическую теорию, которая включает в себя концепцию личной виновной ответственности, субъективной стороны преступления, теорию наказания и некоторые другие моменты.

Г.А. Есаков верно указывает, что «в современной литературе ... отрицание уголовной ответственности юридических лиц покоится на отстаивании в качестве фундаментальной основы уголовного права господствующего психологического понимания вины как категории, мыслимой лишь в связи с человеческой деятельностью», и далее: «Соответственно, довод *pro* уголовную ответственность юридических лиц отрицает “незыблемость” господствующего психологического понимания вины, предлагая модифицировать эту категорию в соответствии с современным уровнем развития общества»⁵¹.

В концептуальном плане мы совершенно согласны с позицией исследователя, однако не разделяем его уверенности в осознании учеными парадигмального характера данной дискуссии⁵².

⁴⁸ Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Рарога (авт. главы – Г.А. Есаков) // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Напротив, даже исходя из противоположной по содержанию идеи вполне допустимо обосновывать необходимость коллективной уголовной ответственности. Так, Л.О. Иванов пишет: «Нельзя ставить знак равенства между административными и уголовными правонарушениями... Применительно в российской системе законодательства составы административных и уголовных правонарушений образуют в совокупности единых, но разнохарактерный и взаимно дополняющий друг друга комплекс норм». Исходя из приведенной мысли он заключает: «В связи с указанной взаимосвязью административного и уголовного права... логичным с точки зрения системного единства законодательств было бы включение в состав субъектов уголовной ответственности и юридических лиц».

Однако он не учел того факта, что приведенные им аргументы с равной степенью убедительности позволяют заключить, что разграничение административной и уголовной сферы необходимо проводить не только по объективному, но и по субъективному критерию, по примеру разграничения категорий преступлений в современном УК. Разграничение уголовных и административных правонарушений без каких-либо логических противоречий позволяет дополнять их характеристики иными, формальными критериями, не противоречащими сущности данных правонарушений. Таким образом, вполне допустимо понимать преступление как общественно опасное деяние, совершенное человеком, а административное правонарушение как общественно вредное нарушение правовых норм индивидуальным или коллективным субъектом. В данном случае все зависит от субъективных предпочтений автора и не опосредуется логической необходимостью.

Данный пример является иллюстрацией того, насколько сильно осознание или неосознание текущей и предлагаемой парадигмы влияет на выводы ученого. Позицию Л.О. Иванова см.: Иванов Л.О. Публичная ответственность юридических лиц должна включать и возможность применения к ним уголовно-правовых санкций // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.). С. 103–109.

⁵¹ Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А. И. Рарога // СПС «КонсультантПлюс».

⁵² В данном случае весьма показательно, что и сам Г.А. Есаков в одной из своих ранних работ на основании анализа английской правовой традиции пришел к выводу, что «такая ответственность (юридических лиц – К.Ц.) может быть достаточно удачно вписана в “традиционное” уголовное право и согласована с исходными принципами (такими как требование наличия виновного действия и виновного состояния ума по отношению к такому дейст-

Напротив, изучение литературы по вопросу приводит к выводу, что как противники, так и сторонники уголовной ответственности юридических лиц признают неизбежность психологической парадигмы уголовного права. При этом последние либо стараются эту парадигму тем или иным способом обойти, например, предлагая ввести юридическое лицо в качестве специального субъекта (А.И. Коробеев), либо встраивают коллективную ответственность в лоно текущей «стандартной» модели, «психологизируя» юридическое лицо (Е.Ю. Антонова).

А.И. Коробеев полагает, что разрешение ситуации с психологическим основанием уголовного права возможно двумя путями: «Или искусственно расширять рамки традиционного понимания вины в уголовном праве, “втискивать” в них и так называемую вину юридических лиц, или искать другой способ обоснования уголовной ответственности юридических лиц». Под другим способом он, в частности, понимает размежевание понятий «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности»⁵³.

Отстаивая схожую в концептуальном плане теорию, Г. Смирнов пишет: «Она позволяет эффективно бороться с преступностью юридических лиц без изменения действующей доктрины уголовного права, которая... проникнута принципом личной виновной ответственности»⁵⁴.

Эти и иные подобные модели справедливо критикуются на основании их концептуальной неприемлемости, а в ряде случаев и логической противоречивости.

Так, Г.И. Богуш, отвергая предложение ученых, подчеркивает: «Отказ от фундаментального принципа личной ответственности по утилитарным соображениям (причем сомнительным) недопустим»⁵⁵.

Н.Е. Крылова, с негативной стороны отмечая катализируемое концепцией корпоративной уголовной ответственности сближение криминологической и цивилистической наук, указывает: «Широкое допущение в уголовном праве объективного вменения – это та “плата”, которую мы, безусловно, вынуждены будем заплатить за введение института уголовной ответственности юридических лиц»⁵⁶.

Приведенные цитаты, как мы полагаем, ярко демонстрируют идентичность основания, на котором строят свою аргументацию как сторонники, так и противники корпоративной уголовной ответственности, спор же ведется не о возможности его смены, но скорее о том, насколько допустимо встраивание новой концепции в текущую «стандартную» модель⁵⁷.

вию)». В данном случае совершенно очевидно, что автор, который впоследствии придет к выводу о парадигмальном характере идеи коллективной уголовной ответственности, делает вывод о том, что рассматриваемую идею можно «вписать» в текущую «стандартную» модель уголовно-правовой теории (см.: Есаков Г.А. Уголовная ответственность юридических лиц за убийство по английскому и шотландскому уголовному праву // LexRussia (Научные труды МГЮА). 2005. № 1. С. 142-163).

Показательно, что после того как Г.А. Есаков начал придерживаться позиции уголовного права в широком смысле, вся идея которой основана на свержении «стандартной» научной модели российского уголовного права, он в последующих работах касательно уголовной ответственности юридических лиц более не высказывал столь однозначных суждений. Данный пример свидетельствует о том, насколько сильно влияет на ученого осмысление научного основания его концепций (см., напр.: Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Парог А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Парога.)

⁵³ Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева (авт. главы – Коробеев А.И.). Т. 1: Преступление и наказание. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 437.

⁵⁴ Смирнов Г. Уголовная ответственность юрлиц на подступах к России // СПС«КонсультантПлюс».

⁵⁵ Богуш Г.И. Субъект преступления – физическое лицо // Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб., 2011. С. 353-354.

⁵⁶ Крылова Н.Е. Концептуальные проблемы введения института уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.). С. 64.

⁵⁷ Существует также третья точка зрения, отвергающая абсолютизацию психологического принципа в силу того, что «если его последовательно проводить в жизнь, то нельзя признать не только уголовную, но и административную ответственность юридических лиц». При этом О.В. Панкратова все же остается в лоне психологической парадигмы, лишь предлагая непоследовательное проведение психологического понимания вины, но не отказ от него (см.: Панкратова О.В. К вопросу о необходимости признания юридического лица субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ // Российский следователь. 2012. № 4. С. 16-18).

Схожие предложения можно встретить в рамках дискурса касательно принципа *non bis in idem*. Так, А.Г. Безверхов пишет: «Дальнейшая абсолютизация указанного принципа (*non bis in idem*. – К.Ц.)... порождает вопрос о допустимости и целесообразности рецидива в Общей части УК РФ. Там недалеко и до материализации мысли о том, что и судимость является дополнительным (вторичным) наказанием». Как видно, он также предлагает не учитывать строгое толкование рассматриваемого положения применительно к административной преюдиции,

Как результат, аргументы сторонников неизбежно разбиваются о строгую логическую структуру доводов апологетов психологической теории, по мысли которых коллективный субъект не может совершить виновного деяния, быть подвергнут отдельным видам наказания и привлечен к ответственности процессуальным порядком. Как верно указал Е.В. Богданов, «юридическое лицо – не человек. И потому в отношении него не следует говорить о мотивах и мотивации, воле и вине, целях деятельности и пр. Ничего этого у юридического лица нет и априори быть не может»⁵⁸.

Приведенный тезис не подлежит сомнению, но он будет иметь значение только в том случае, если признается абсолютность идеи психологизации уголовного права⁵⁹. При отказе от нее аргументы автора о недопустимости антропоморфного понимания юридического лица отпадут, поскольку концепция вины, делающая такое понимание логически необходимым, на корпорацию распространяться не будет.

Следующее основание, препятствующее восприятию современной доктриной теории уголовной ответственности юридических лиц, запрещает использование категорий частного права в праве уголовном. Условно данная парадигма может быть названа концепцией уникальности уголовно-правовой теории. Применительно к предмету нашего рассмотрения данная основа имеет субсидиарный характер, отказ от нее или, напротив, признание, не может существенным образом повлиять на позицию ученого касательно корпоративной уголовной ответственности. В связи с этим парадигма уникальности будет рассмотрена нами в отдельной части настоящей работы.

В заключение приведем еще один аргумент в пользу уголовной ответственности юридических лиц, восходящий к межгосударственным отношениям. По мнению Элс Де Буссер, непоследовательное именование ответственности коллективных образований в законодательствах различных государств «административной» или «уголовной», кроме прочего, порождает так называемый парадокс разнообразия, который, по ее мнению, «может создавать проблемы при применении механизмов взаимной правовой помощи по уголовным делам, когда эти механизмы являются единственным доступным вариантом сотрудничества в уголовно-правовой сфере»⁶⁰. С данным утверждением сложно не согласиться, однако в случае с коллективной ответственностью оно не носит основополагающего характера. Концептуальная допустимость или недопустимость «парадокса разнообразия» зависит от приемлемости другой уголовно-правовой парадигмы, которая будет рассмотрена отдельно.

Изложенное выше позволяет заключить, что неприятие учеными идеи коллективной уголовной ответственности базируется:

– на психологической теории уголовно-правового воздействия, которая полагает невозможным применение карательных мер к лицу, не обладающему определенным набором психических характеристик;

– на отрицании терминологического единства наук криминального и некриминального цикла, запрете использования цивилистических категорий в уголовно-правовых целях.

Коллизионное уголовное право: концептуальное ограничение внутригосударственных эгоистических стремлений⁶¹. Термин «коллизионное», или «интернациональное», уголовное право был

но не предлагает отказаться от него окончательно (см.: Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России).

⁵⁸ Богданов Е.В. Проблема уголовной ответственности юридических лиц // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁹ Весьма показательна в данной ситуации теоретическая проблема законодательного дозволения взыскания штрафа, назначенного несовершеннолетнему с его родителей с их согласия. В литературе справедливо отмечается, что данное положение нарушает принцип личной виновной ответственности, однако Е.А. Симонова в этой связи замечает: «Высокая социальная значимость человека в современном обществе ... обуславливает исключения из правил даже в тех случаях, когда незыблемость основополагающих начал представляется абсолютной; например, принцип субъективного вменения в уголовном праве незыблем, однако законодатель пошел на его ограничение. Вероятно, произойдут и другие изменения в уголовном законодательстве – скажем, будет установлена уголовная ответственность юридических лиц» (Симонова Е.А. Некоторые проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб., 2011. С. 742–743).

⁶⁰ Элс Де Буссер. Уголовная ответственность юридических лиц на наднациональном уровне // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.). С. 53.

⁶¹ Традиционное название рассматриваемого нами раздела уголовно-правовой теории – «Действие уголовного закона в пространстве и по кругу лиц». Именно так называются соответствующие части учебников и учебных пособий, а также подавляющее большинство специальных научных исследований различной степени углубленности.

введен в научный оборот М.И. Блум. Под ним она предлагала понимать «установленные уголовным законодательством основные положения, в соответствии с которыми разграничивают пространственные пределы действия двух или нескольких имеющих силу... уголовных законов»⁶². К сожалению, в работах автора данная концепция развития не получила, однако сама идея имеет существенное значение для определения направления дальнейшего формирования правовой мысли в рассматриваемой области.

История свидетельствует, что все последующие исследователи, которых не устраивала текущая ситуация с разграничением действия внутригосударственных законов различной системной принадлежности, в той или иной степени возвращались к данной идее⁶³. Их работы, взятые в совокупности, опосредуют новый взгляд на проблему определения уголовно-правовой государственной юрисдикции.

Не вдаваясь в подробное изучение генезиса неклассической концепции пространственного действия уголовного закона, можно заключить, что теоретическое основание коллизионного уголовного права в его современном понимании включает в себя следующие основные положения:

- признание эклектической теории, объединяющей принципы действия уголовного закона в пространстве с ориентацией на сравнительный аспект;
- рассмотрение института действия уголовного закона в пространстве как одного из способов разрешения межгосударственных юрисдикционных уголовно-правовых конфликтов;
- ориентация на необходимость приведения института пространственного действия уголовного закона в соответствие с практическими потребностями.

С позиции апологетов неклассической теории вполне допустимо полагать все государства, содержащие уголовное право и уголовно-правовые предписания, находящимися в, своего рода, «едином правовом поле», из чего вытекает необходимость разграничения компетенций различных наказательных властей, которое должно проводиться с учетом интересов всех участников международного общения способом, отличным от простого волеизъявления в собственном законодательстве. Если выражаться более простым языком, постулируется необходимость разграничения действия уголовных законов разных государств методом международного частного права⁶⁴.

После данного упрощения становится очевидным, почему коллизионная модель не прижилась в уголовно-правовой науке – она наталкивается на уже упоминавшуюся концепцию уникальности уголовно-правовой теории. Однако в рамках учения о действии уголовного закона в пространстве, в отличие от проблемы коллективной уголовной ответственности, данная парадигма является центробразующей.

Сложность описания «стандартной» модели уникальности состоит в том, что ссылки на нее практически невозможно найти в работах по уголовному праву. Формально данной концепции не существует, однако препятствия, которые она ставит на пути многих новаторских подходов в уголовно-правовой науке, ощущаются постоянно.

В российской криминологической доктрине идея уникальности их собственных концепций выразилась в том, что ученые довольно часто закрывают глаза на противоречие интерпретаций уголовно-правовой терминологии общетеоретическому, а иногда и этимологическому смыслу этих терминов.

Только применительно к учению о действии уголовного закона в пространстве можно назвать следующие примеры «уникальных» теорий:

- теорию уголовно-правовых коллизий, которых в соответствии с классической доктриной не существует, поскольку понятие коллизии мыслится идентичным по смысловому содержанию категории «конкуренция»⁶⁵. Не вдаваясь в детали аргументации апологетов и противников данной концепции, укажем, что для представителей теории государства и права, равно как и для всех иных исследователей, в том числе и в рамках неправовых наук, данные понятия являются различными;

- двойное понимание категории «принцип» как основы уголовно-правового регулирования и как совокупности правил действия уголовного закона в пространстве. В этом смысле следует согла-

⁶² Блум М.И. Действие советского уголовного закона во времени и пространстве: дис. ... докт. юрид. наук. Рига, 1975. С. 240.

⁶³ Сказанное не означает исторического преемства в генезисе неклассического учения о действии уголовного закона в пространстве, но лишь обозначает объединяющую всех авторов идею.

⁶⁴ Впервые в истории уголовно-правовой науки такое весьма смелое упрощение допустил А.Э. Жалинский, что является его несомненной заслугой (см.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. С. 227).

⁶⁵ Об этом см., напр.: Иногамова-Хегай Л. В. Понятие конкуренции уголовно-правовых норм // Правоведение. 2001. № 2. С. 133-146.

ситься с мнением Ю.Е. Пудовочкина касательно того, что «по большому счету использовать ... слово “принцип” не следовало бы. Лучше говорить о “правилах действия”. Однако словосочетание “принцип действия уголовного закона в пространстве” стало уже устойчивым и его можно рассматривать как некий элемент научной традиции»⁶⁶;

– понимание места совершения преступления как некоего аморфного образования, которое так или иначе может быть привязано к территории конкретного государства в зависимости от определенных объективных признаков. Для иллюстрации хорошо подходит описанный Р.Р. Хаснутдиновым⁶⁷ «принцип территориального эффекта», являющийся аналогом «кота Шредингера» в уголовно-правовой доктрине.

Он выражается в том, что «если преступление началось на территории государства, но получило завершение на иностранной территории или оно началось на иностранной территории, но завершилось на его территории, то оно в обоих случаях подлежит юрисдикции этого государства»⁶⁸, при этом под «этим государством» традиционно понимается отечество лица, к данному принципу апеллирующего.

Таким образом, местом совершения преступления, деяние которого было совершено в государстве А, а последствия наступили в государстве Б, будет признана территория и государства А и государства Б, окончательное же решение будет зависеть от гражданства интерпретатора.

Весьма схожая теория существует в квантовой физике, одно из основных положений которой гласит, что включение в процесс наблюдателя неизбежно этот процесс изменяет. Однако то, что приемлемо в теоретической части естественных наук, не всегда можно перенести на социальную реальность⁶⁹. Так, недопустимо полагать преступление совершенным на той или иной территории в зависимости от политических предпочтений правоприменителя⁷⁰;

– понимание института экстрадиции как части материального уголовного права явно противоречит тому факту, что в рамках данного института рассматривается *процедура* выдачи, которая является предметом права процессуального⁷¹.

Приведенные выше четыре тезиса, равно как и наша их критика, являются справедливыми или нет в зависимости от того, признается ли уголовно-правовая теория уникальной, а ее положения в определенной степени автономными от всех иных наук. Если ответ положителен, то наша критика несправедлива, если отрицателен, то неприемлемы сами положения.

Следует отметить, что интерпретация вышеприведенных терминов в «уникальном» уголовно-правовом ключе служит вполне определенной цели – оправдать современное понимание института действия уголовного закона в пространстве и обосновать теоретическую возможность его рассмотрения как принципиально отличного от соответствующих разделов частноправовых наук⁷². Именно благодаря тому, что современная «стандартная» территориальная модель находится в определенном «поле» корреспондирующих и поддерживающих ее интерпретаций правовых терминов, у ученых на

⁶⁶ Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции. М., 2014. С. 200.

⁶⁷ Данный ученый не является его автором, впервые интерпретация, описанная Р.Р. Хаснутдиновым, встречается в работе М.И. Блум, однако именно он дал этому принципу весьма подходящее название.

⁶⁸ Хаснутдинов Р.Р. Территориальное и экстраитерриториальное действие уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 17.

⁶⁹ Проблема в данном случае заключается в том, что законы квантовой физики применимы исключительно для микромира, а так называемый парадокс Шредингера допустимо упростить до «не посмотришь – не узнаешь», то есть реальность в данном случае не затрагивается: кот либо жив, либо мертв, вопрос только в том, знает ли об этом наблюдатель.

⁷⁰ Абсурдность этой ситуации легко демонстрируется заменой слов «территория» и «преступление» словами «стол» и «книга» соответственно. В итоге получится: «книга, лежащая на границе двух столов, лежит на столе А в том случае, если за этим столом сидит наблюдатель, в противном же случае она лежит на столе Б».

⁷¹ В связи с этим можно привести замечание Ю.А. Зюбанова: «Действие уголовного закона в пространстве во многих случаях ставится в зависимость от применения норм уголовно-процессуального права», такое положение вещей автор принимает без какой-либо критики, он просто констатирует существующий факт. Это иллюстрация того, насколько сильно приемлемость экстрадиции и влияния, которое она оказывает на пространственное действие уголовного закона, «прижились» в современной уголовно-правовой теории (см.: Зюбанов Ю.А. Действие уголовного закона в пространстве: опыт сравнительного анализа уголовного законодательства стран СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 5).

⁷² В данном случае показателен тот факт, что даже в учебниках по теории права вопросы действия в пространстве уголовного закона рассматриваются обособленно от соответствующих положений общей теории.

протяжении пятидесяти лет существования данной концепции практически не возникало вопросов о ее легитимности.

Однако парадигма уникальности уголовно-правовой теории не может выступать единственным и окончательным препятствием на пути иного понимания пространственного действия уголовного закона. Так, несмотря на противоречие запрету использования частноправовых категорий идея коллизионного уголовного права, будучи отвергнутой в рамках традиционного учения, тем не менее не растворилась в анналах истории, но последовательно развивалась и актуализировалась в современных исследованиях.

Квинтэссенция неклассической теории действия уголовного закона в пространстве заключается в признании необходимости учета каждым законодателем при конструировании границ действия собственного уголовного закона интересов иных участников международного общения.

Так, А.Г. Князев указывает на проблему «разграничения коллизий по применению уголовного закона при одновременном наличии параллельной уголовно-правовой юрисдикции нескольких государств»⁷³. В связи с этим А.И. Ильина (Фролова) и М.Г. Решняк предлагают использовать сравнительный метод, который позволит «свести к минимуму пространственные коллизии российского и зарубежного уголовного законодательства»⁷⁴ и «представить правовое регулирование действия уголовного закона в пространстве в одних государствах в соотношении с уголовно-правовыми системами других государств»⁷⁵.

М.Г. Мельников подчеркивает, что «ни одна страна не может игнорировать тот факт, что ее система существует параллельно с правосистемами других государств»⁷⁶; в рамках своей работы он пытается уменьшить коллизионность принципов действия уголовного закона, в том числе путем установления их иерархии.

По мнению Ю.В. Ключникова, «распространение государственных пределов действия национальных правовых норм за рамки своих границ будет правомерным... при условии, что в результате такого расширения не происходит вмешательства в дела, составляющие исключительную компетенцию других государств»⁷⁷. При этом он полагает, что именно «международное право ... является ... наиболее эффективным средством установления пределов действия национальных правовых норм»⁷⁸.

А.Э. Жалинский указывает, что «необъяснимым образом в литературе не учитываются и практикой редко принимаются во внимание предписания, содержащиеся в иных уголовно-правовых системах. А это именно тот случай, когда они также юридически важны для российского уголовного права, как и его собственные предписания»⁷⁹. «В этом плане представляется разумным поставить вопрос о разработке коллизионного уголовного права, близкого по целям к международному частному праву»⁸⁰.

Как видно, всех приведенных авторов объединяет одно: нежелание рассматривать волеизъявление одного конкретного государства в качестве разрешения конфликтов юрисдикций нескольких государств.

Против приведенного мнения можно привести возражение, согласно которому основное право и функция государства состоит в принятии на своей территории и в отношении своего населения обязательных правил поведения нормативного характера. При этом ни одно другое государство не имеет полномочий, за исключением строго ограниченного количества случаев, вмешиваться в данный процесс.

Соответственно, поскольку нормы, определяющие границы внутреннего уголовного закона, концептуально не отличаются от иных внутригосударственных норм, каждое государство в той части, в которой это не противоречит текущим международным соглашениям, правомочно устанавливать для себя любые границы своего внутреннего закона.

Так, например, по мнению Р.Р. Хаснутдинова, «для внутригосударственного права характерна тенденция к экспансии национального правового порядка и, соответственно, максимальному ограни-

⁷³ Князев А.Г. Действие уголовного закона в пространстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2006. С. 5.

⁷⁴ Ильина А.И. Правила действия уголовного закона в пространстве (сравнительно-правовое исследование): монография. М., 2012. С. 46.

⁷⁵ Решняк М.Г. Современные проблемы действия уголовного закона в пространстве: монография. М., 2013. С. 44.

⁷⁶ Мельников М.Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань. 1999. С. 133.

⁷⁷ Ключников Ю.В. Международно-правовые проблемы установления пределов действия национальных правовых норм: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 12.

⁷⁸ Там же. С. 10.

⁷⁹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен ... С. 219-220.

⁸⁰ Там же. С. 227.

чению иных правовых порядков»⁸¹. Он полагает, что «основа юрисдикции государств строится на принципах, которые устанавливаются, до каких пределов их юрисдикция может распространяться. Такие пределы определяются международным правом, а в этих пределах границы юрисдикции государства устанавливаются по собственному усмотрению»⁸².

Схожую мысль можно найти и у Н.И. Пикурова, который указывает: «При решении вопроса о границах юрисдикции РФ в сфере уголовно-правового регулирования национальное законодательство ... должно руководствоваться идеей максимальной защищенности общественных и государственных интересов, законных интересов граждан РФ, лиц без гражданства, ... юридических лиц...»⁸³. По существу, автор предлагает игнорировать корреспондирующие иностранные интересы, если они идут вразрез отечественным.

Как видится, аргумент об исключительной государственной компетенции по определению границ собственного уголовного закона основывается на двух положениях:

– признание уникальности законодательства каждого отдельного государства⁸⁴. Данная парадигма тесно связана с уникальностью уголовного права по отношению к иным наукам. По существу, они имеют один корень: констатация исключительности российского уголовного права, который допустимо рассматривать вне соотношения с чем-либо, кроме его собственной теории;

– принципиальная невозможность наличия во внутреннем уголовном законе норм, к нему полностью не относящихся. Все предписания, содержащиеся в уголовном законе, постулируются как подчиненные одной системе и следующие одному курсу; «вкрапление» в эту систему инородных элементов на концептуальном уровне не допускается⁸⁵;

Оба основания связаны и в целом могут быть обозначены как внутренний эгоизм национально-уголовного закона. Если мыслить исходя из данной «стандартной» парадигмы, теоретически возможно оправдать текущую мировую ситуацию с разграничением внутрисубъектных уголовно-правовых суверенитетов, не входя в противоречие ни с логикой, ни со здравым смыслом.

Таким же образом решается вопрос об упоминавшемся ранее «парадоксе разнообразия». Аргументы Элс Де Буссер о его недопустимости справедливы только в том случае, если она рассматривает юридическое лицо в межгосударственном правовом поле; если же существование коллективного субъекта ограничено рамками национального уголовного закона, то никакого парадокса не возникает, поскольку не существует порождающей его проблемы соотношения национального и иностранного законов.

Проблема свержения оснований: научный дискурс нуждается в реформировании. Проблема поиска основ – одна из старейших в философии. Она красной нитью проходит через все философские и религиозные учения. В наиболее простом варианте она может быть выражена так: «Всякое причинное объяснение должно, следовательно, иметь лишнее причины произвольное начало»⁸⁶. Наилучшей иллюстрацией данного тезиса, на наш взгляд, является известная аналогия, носящая название «чайник Рассела».

Рассел указывал на теоретическую допустимость предположения о вращении между Землей и Луной фарфорового чайника, столь маленького, что засечь его какими-либо из существующих приборов невозможно. Таким образом философ предполагал создать неопровержимый аргумент, в который должны будут поверить все, кто не задумывается о проблеме несвержимости основ⁸⁷.

⁸¹ Хаснутдинов Р.Р. Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 4.

⁸² Там же. С. 12.

⁸³ Пикуров Н.И. К вопросу о пространственных пределах уголовно-правовой юрисдикции // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–25 января 2013 г.) М., 2013. С. 128.

⁸⁴ Приведенное название носит условный характер, рассматриваемая парадигма исходит из допустимости рассмотрения собственного уголовного закона в качестве единственно существующего.

⁸⁵ Данная парадигма основана на предыдущей и вытекает из нее. В случае признания исключительности собственного закона государства формальная логика не оставляет иного выбора, кроме как не допустить наличия в этом законе элементов, подчиненных иной системе. Одним из следствий рассматриваемой основы является, в частности, категорический отказ уголовно-правовой доктрины, несмотря на предписание ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, признавать международный договор источником (формой) российского уголовного права (об этом см. напр.: Иванчин А.В. Источники уголовного права // Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб., 2011. С. 102–112.

⁸⁶ Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней / подгот. текста и науч. ред. В.В. Целищева. Новосибирск, 1997. С. 58.

⁸⁷ Статья, описывающая приведенную аналогию, не была опубликована (текст см. напр.: URL: <http://www.personal.kent.edu/~rmuhamma/Philosophy/RBwritings/isThereGod.htm>).

Наше исследование показало, что все рассмотренные выше теории лежат в одной и той же плоскости – интегративного понимания уголовно-правового регулирования, основанного на отказе от традиционной замкнутости уголовного права, признании его тесной связи с иными правовыми и неправовыми науками, а также зарубежным правом.

Интегративное понимание позволяет ученому увидеть перспективы использования различных моделей для совершенствования уголовно-правового регулирования в догме иных отраслей права, а также в праве зарубежном.

Вместе с тем, гибкость данного подхода не предопределяет решений, касательно приемлемости или неприемлемости заимствования той или иной концепции. Ученый, не впадая в логические противоречия, может придерживаться диаметрально противоположных позиций, единственное, что предполагает данный способ оценки – наличие в поле зрения соискателя всех возможных путей совершенствования уголовного права и запрет их отвержения только на основании концептуальной неприемлемости.

По существу, при оценке той или иной теории главным аргументом *contra* для сторонников интегративного подхода является негативный характер порождаемых этой теорией последствий, не перекрываемый ее позитивным потенциалом.

Современное состояние научного дискурса свидетельствует о необходимости смены «парадигмы исключительности» уголовно-правовой догмы в пользу ее интегративного понимания. Однако неосознание уголовно-правовой доктриной проблемы несвержимости основ породило ситуацию, когда революционные изменения научной парадигмы, не будучи ни принятыми, ни окончательно отвергнутыми, «застопорились» на моменте их обсуждения. Более того, в современной литературе можно наблюдать ситуации, когда один и тот же автор в определенных случаях демонстрирует интегративный подход к исследованию, а в других – исходит из критикуемой «парадигмы исключительности».

Мы полагаем, что только реформирование ведущейся дискуссии позволит научному сообществу на концептуальном уровне разрешить патовую ситуацию с теориями, подвергающимися сомнению «стандартную» модель научного знания. Исследователям следует решить, принимают ли они интегративный подход или же продолжают придерживаться традиционной основы, в противном случае «диалог слепого с глухим» не будет иметь конца.

Поступила в редакцию 22.02.16

K.A. Tsai

**THE «STANDARD» MODEL OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW
(BY THE ANALYSIS OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE, CORPORATE CRIMINAL LIABILITY
AND COLLISION CRIMINAL LAW)**

The problem of scientific basis of criminal and legal science is considered in the articles. In addition, the paradigm character of different doctrinal concepts is argued. Through concrete examples the influence of a scientific basis on the position of a researcher is studied. An attempt of the analysis and identification of the main ideas of the criminal theory is made. The author comes to a conclusion about the absence of a uniform scientific paradigm of criminal law and suggests understanding its scientific basis as a set of a large number of private paradigms defining opinion of scientists on this or that circle of questions. The influence of a scientific paradigm on scientists' views is shown on the example of an administrative prejudice, corporate criminal liability and collision criminal law. The author attempts to define the scientific basis of the concepts and concludes about a uniform source of scientists' positions in the field. The special attention in the article is paid to the investigation of factors which do not allow to incorporate the studied concepts into the criminal theory. The author proves that in the modern criminal law science there exists a priori «standard» scientific paradigm which is not realized directly, but rigidly limiting the mind of a researcher. The article justifies the way to refuse the traditional view on criminal-law dogma and to accept a new approach to legal regulation.

Keywords: science of criminal law; scientific paradigm of criminal law; basis of criminal law; administrative prejudice; criminal liability of legal entities; territoriality of criminal law; collision criminal law; regulation of criminal law.

Цай Кирилл Александрович, аспирант
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
E-mail: D503.ts@mail.ru

Tsai K.A., postgraduate student
National Research University
«Higher School of Economics»
E-mail: D503.ts@mail.ru